

Ономастиология? Мотивация? Семантика? Идеография? О классификациях имен собственных

Классификации собственных имен составляют общее место большинства работ по ономастике. Чаще всего это ономастиологическая классификация, в которой устанавливается номинативный признак объекта (его размер, форма, цветовая характеристика, принадлежность и т. п.), легший в основу номинации. Такая отнесенность носит весьма гипотетический характер: выбор признака для онима субъективен, к тому же сам номинатор далеко не всегда осознает в полной мере номинативный мотив — название рождается спонтанно, мотивированное комплексным впечатлением о реалии. Особенно часто это происходит при образной номинации. Конечно, правильность определения номинативного признака может подтверждаться показаниями информантов, номинаторов и знаниями об объекте, доступными исследователю, но и это не истина в последней инстанции — возможны не одна, а две и более версии, каждая из которых в конечном счете рискует оказаться народно-этимологической.

С ономастиологической перекликается другая классификация — мотивационная, когда исследователь выявляет существующие в сознании носителей языка связи между именем собственным и апеллятивом или другим онимом. Мотивационные классификации собственных имен крайне редки, но пример такой работы с апеллятивами в полной мере представлен в мотивационном словаре, подготовленном томскими мотивологами [МССГ], где помимо семантических мотиваторов выявляются еще и структурные. Такая классификация требует тщательной работы с информантами, фиксации употребления онима в тексте и поэтому возможна только для материалов, собранных в полевых условиях. Нужно заметить, что именно такими возможностями собиратели, как правило, пренебрегают, не делая текстовых записей при сборе собственных имен.

В работах ономастологов нередко возникает термин «семантическая классификация» [см., например, Березович, 1998, 2001 и др.]. Отсылая нас к семантике имени собственного, авторы выявляют отраженную в ониме информацию об объекте. В принципе, это та же ономастиологическая классификация, в которой акцент смещен с выявления исходного номинативного признака на установление информативной стороны названия. Так, отантропонимические названия полей и других угодий указывают на владельца (теперешнего или прежнего), а образованные фактически по той же модели названия омутов, как правило, связаны с информацией о человеке, в этом омуте утонувшем; в антропонимии фамилия *Богдановы* указывает на незаконнорожденность пращура, а оттопонимические прозвища говорят о том, что их носят члены семей переселенцев. Подобная семантическая классификация не может возникнуть на чисто языковых основаниях — ее параметры выводятся из большого объема общекультурной информации, из показаний носителей языка. В конечном счете это тоже интерпретационная процедура, несущая на себе яркий оттенок субъективности. Не случайно такой подход в ономастике реализуется обычно на этюдном уровне — авторы обращаются к конкретным группам имен собственных, не ставя задачей представить исчерпывающую классификацию материала.

Таким образом, перечисленные классификации, рассматривая имена собственные с разных сторон, сходятся в одном: они отражают не объективную сторону рассматриваемого языкового материала, а мнение о нем.

Возможно ли объективное основание классификации? Им может быть только одно — опора на связь онима с производящим апеллятивом (реже — онимом). В отличие от мотивационной, данная классификация абстрагируется от вопроса о причинах такой связи. Апеллятивы, обозначающие одно или сходные понятия, объединяются в единую идеограмму, поэтому такую классификацию уместно назвать идеографической, хотя такой термин не вполне корректен для классификации собственных имен, как известно, не имеющих понятийного компонента в своем значении. Указанный подход находит отражение в целом ряде работ (из последних см.: [Васильева, 2008; Гейн, 2014]). На первый взгляд, классификация выглядит формальной, однако именно объединяя онимы в группы по указанному основанию, мы получаем исходный

материал для всех остальных интерпретационных классификаций и для этимологического анализа субстратного ономастического материала.

Березович Е. Л. Семантическая типология русских топонимов: проблемы, возможности, перспективы // Ономастика и диалектная лексика. Вып. 2. Екатеринбург, 1998. С. 129–148.

Березович Е. Л. К построению комплексной модели топонимической семантики // Изв. Урал. гос. ун-та. 2001. № 20. С. 5–13.

Васильева С. П. Идеографический словарь топонимов Приенисейской Сибири. Красноярск, 2008.

Гейн К. А. О некоторых проблемах идеографического описания топонимического материала // Вопр. ономастики. 2014. № 2 (17). С. 69–77.

МССГ — Мотивационный словарь сибирского говора : в 2 т. / авт.-сост. О. И. Блинова, С. В. Сыпченко. Томск, 2009–2010.

Я. Саарикиви

Хельсинкский университет, Хельсинки (Финляндия)
jsaariki@mappi.helsinki.fi

К вопросу о «саамском» субстрате в топонимии Русского Севера

В докладе рассматриваются проблемы, связанные с идентификацией саамского пласта топонимов на Русском Севере, а именно в Архангельской области.

«Саамский» вопрос имеет длительную историю изучения: ему посвящены работы А. К. Матвеева, И. И. Муллонен, Н. В. Кабининой и самого докладчика. Названные исследователи считают, что, кроме прибалтийско-финского пласта топонимов, широко распространенных в границах бытования современных севернорусских диалектов, в топонимии этих обрусевших регионов, особенно бассейна р. Северная Двина, встречаются также и финно-угорские по происхождению названия, сохранившие архаические фонетические черты (например, встречается *š* на месте *c < *š*, или же наблюдается качество гласных, отличающееся от вокализма собственно прибалтийско-финских